

О МЕСТЕ КАЛЬКИ

В ПРОЦЕССЕ

МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ

ИНТЕРФЕРЕНЦИИ

С. ВАЙМБЕРГ,
М. ГЕОРГИУ

Как известно, интерференция двух языков находит воплощение не только в прямых заимствованиях, перенимающих, как писал еще Б. Унбегаун, «внешнюю форму» языка-источника, но и в так называемых кальках, воспроизводящих, по словам того же автора, лишь «внутреннюю форму» иноязычного образца [1]. Сам же вопрос о соотношении этих двух категорий не получил все же окончательного решения в специальной литературе [2].

Обычно заимствованиям как явлению, непосредственно бросающемуся в глаза исследователя, уделяется больше внимания, чем калькам. «Однако, — справедливо замечает Л. П. Ефремов, — калькирование, само по себе представляя исключительный интерес для языкознания, заслуживает специального, а не попутного изучения...» [3]. В связи с этим уместно вспомнить высказывание Ш. Балли: «В науке еще не оценены размах и значение этой формы языкового влияния (т. е. калькирования. — С. В. и М. Г.), которая обнаруживается в самых, казалось бы, сокровенных уголках словаря, но вскоре станет ясно, что заимствование является всего лишь одним из конкретных проявлений общей тенденции, к тому же значительно менее распространенным, чем калька, и тогда, быть может, проблема „иностранных слов“ будет пересмотрена на более широкой основе» [4].

Стало быть, взаимодействие двух языков осуществляется чаще без привлечения их «природной материи» — звуковой стороны. Языки могут существенно влиять друг на друга даже тогда, когда количество внешних, субстанциональных показателей их взаимодействия сводится к минимуму. Это положение должно иметь важные последст-

вия и для методики преподавания иностранных языков.

Как неоднократно указывалось, учащиеся могут устранять из своей речи все внешние проявления влияния родного языка и тем не менее продолжать мыслить категориями давно привычной им лингвистической системы. В таком случае родной язык играет роль фильтра, как бы поглощающего идиоматичность неродного и пропускающего лишь то, что может укладываться в рамки предшествующего лингвистического опыта учащихся [5].

Многочисленные ошибки, наблюдающиеся при усвоении неродного языка, объясняются прежде всего стремлением подвести иноязычную стихию под автоматизированные модели родного языка, навязать новому языку несвойственные ему обороты и значения, — словом, постоянным стремлением калькировать образцы родной речи. При этом, «если ошибки, допущенные в разных странах, являются весьма различными, то типы ошибок и их относительная частота оказываются исключительно устойчивыми в пределах одной и той же лингвистической группы» [6]. Не следует проходить мимо того факта, что с ростом требований к содержанию на продвинутом этапе обучения возрастает и относительное число ошибок, объясняемых прямым калькированием [6] (стр. 10). Так, вряд ли случайно именно местоимения стоят на первом месте среди слов, в которых в письменной речи румынских студентов-первокурсников, изучающих русский язык, зарегистрированы ошибки¹.

¹ Подсчеты проводились в статье М. Gheorghiu (7).

Отвлеченность смысловых оттенков и своеобразие употребления этого класса слов чрезвычайно затрудняют, как это давно отмечено в отношении многих языков, правильное употребление местоимений неродного языка². Вообще статистическая обработка ошибок — верный путь для выявления слабых мест в речевой практике учащихся, естественных «помех», создаваемых навыками родного языка. И если известны «грамматики ошибок» применительно к родному языку (а некоторые из них представляют собой капитальные исследования) [9], то тем более грамматика иностранных языков должны считаться с частотностью характерных ошибок в речи тех, для кого они предназначаются.

Из всего этого явствует, что кальки составляют основное лингвистическое ядро в процессе межъязыковой интерференции на уровне «содержания» (хотя и здесь понятие интерференции шире понятия кальки). Калькирование — объективная и неизбежная закономерность при обучении языкам. Использовать эту закономерность для скорейшего овладения неродным языком — значит максимально «эксплуатировать» существующие между контактирующими языками сходства, дающие возможность беспрепятственно переносить категории родного языка на иностранный, и лишь затем делать упор на различия. Это и будет, в нашем понимании, переходом от простого к сложному, от легкого к трудному. В самом деле, что такое «легкое» в деле усвоения языков, какой язык может быть «легким»? Если исходить из субъективных впечатлений начинающих, склонных выдавать за «трудные» те языки, в которых встречаются некоторые неудобные для них на первых порах произносительные или графико-орфографические нормы, то, по-видимому, легкими следовало бы считать именно языки, дающие возможно более свободный доступ применению на иноязычном материале правил построения родной речи. Однако практика показала, что далеко не всегда наиболее легкими для усвоения оказываются языки, обнаруживающие в силу исторических и прочих причин высокую степень сходства с родным. Под давлением кажущейся и тем более действительной близости таких двух языков учащимся очень трудно остановить-

ся перед тем рубежом, за которым неизбежно начинаются различия. С этой точки зрения, легче усвоить язык, категории которого и по значению, и по форме своего выражения четче отграничиваются от родного. С другой стороны, слишком глубокие системные расхождения с родным языком также тормозят овладение иностранным. Можно полагать, что по-настоящему легким оказывается язык, находящийся сравнительно с родным на приблизительно равном расстоянии от двух отмеченных крайностей. Думается, что при помощи типологических исследований удастся установить, в каких пределах колебание параметров сходства неродного языка с родным позволяет оценить его как легкий.

Если согласиться, что обучение иностранному языку следует начать с «легкого», то можно будет предложить хотя бы частичный ответ на принципиальный вопрос об оптимальной реализации языковой системы по частям, поставленный проф. Н. И. Жинкиным [10]. «Задача методиста, — указывает автор, — состоит в том, чтобы найти оптимальный языковой материал, обеспечивающий постепенное расширение сферы общения» [10] (стр. 10). Очевидно, сложность такой задачи заключается в том, что языковой материал во избежание односторонности надо отбирать с учетом целого ряда требований: охватывать опорные элементы для осуществления учащимися коммуникативной функции языка, отражать типические для данного языка и вместе с тем более или менее совпадающие с родными черты, а также черты типические, но специфические только для неродного и т. п. [11].

В этой связи важно подчеркнуть плодотворность проведенного В. Розенцвейгом деления межъязыковой интерференции на явную и скрытую [12]. Явная интерференция проявляется в том, что в неродной язык вводятся (особенно часто — путем калькирования) категории, в нем отсутствующие. Скрытая интерференция состоит в исключении из речи всего того, что свойственно лишь одному из языков. По нашему мнению, скрытую интерференцию возможно представить в свете теории калек в той же мере, что и явную. Из-за тенденции ограничить употребление иностранного языка рамками его общей с родным части может показаться, что собственно калькирование при этом не происходит. Если же исходить из системных отношений, связывающих все структуры языка, то становится ясным, что

² Р. Раск, например, писал полтора года назад, что «местоимения... исчезают самыми последними при смешении с другим неоднородным языком» [8].

калькирование сказывается здесь в области реляционных признаков рассматриваемых единиц.

Поясним сказанное на примере некоторых лексических единиц. Русское слово *абстрактный* и румынское *abstract*, восходящие к тому же латинскому этимону, принадлежат, как известно, к интернациональной лексике. В русском языке наряду с этим словом имеется его синоним *отвлеченный*, однако по степени его употребительности румынскими учащимися он значительно уступает первому слову, несмотря на известную сопоставимость морфематической структуры того и другого. Видимо, почти исключительное обращение к слову *абстрактный* поддерживается наличием однозначного соответствия между словами с противоположным значением: *конкретный* и *concret*. Как бы то ни было, в этом типичном случае скрытой интерференции гайтса калька, если учесть, что обозначаемое здесь понятие «овеществляется» не двумя словами, как принято в русском языке, а чаще всего одним словом, как принято в румынском. И хотя такой способ обозначения понятия нельзя считать «неправильным», тем не менее, будучи обязанным своим возникновением румынской модели, он не соответствует сложившейся в русском языке норме, которая требует соблюдения в известных пределах частотных показателей обоих слов. В русской речи румынских учащихся частотность слова *абстрактный* по сравнению с частотностью слова *отвлеченный* почти абсолютная, что приводит к произвольному разъединению данной синонимической пары, к неоправданному устранению члена, который воспринимается как «слабый». Резкое изменение ранговых коэффициентов частотности рассматриваемых слов — это уже осязаемый, измеряемый факт, признак явной интерференции. Вместе с тем это свидетельствует о существовании типа калькирования, проявляющегося в стремлении избежать употребления единиц, «безэквивалентных» с точки зрения родного языка. Такое калькирование можно назвать *нулевой калькой*.

Нетрудно убедиться, что совмещение признаков явной и скрытой интерференции может иметь место и тогда, когда в обоих языках существуют пары слов для обозначения приблизительно одинаковых понятий. Возьмем, например, синонимические пары *общественный* — *социальный* в русском языке и *social* — *obștesc* в румынском. В первой паре слово *общественный* отливается

более высокой частотностью³, что объясняется его принадлежностью к исконно русской лексике, к многочисленному гнезду родственных с ним слов и т. д. Слово же *социальный* занимает более изолированное положение вследствие не только иноязычного, притом не столь уж давнего, происхождения, но и отсутствия у него прочих словообразовательных связей в кругу семантически близких к нему единиц русской лексики. В самом деле, по значению это прилагательное подходит скорее всего к существительному *общество*, которое, однако, располагает уже производным от него относительным прилагательным *общественный*. Получается своеобразная картина. Известно, что не от всех русских существительных образуются относительные прилагательные. В таком случае последние могут заимствоваться. Сравните: *правписание*, но *орфографический*; *наречие*, но *диалектный* (явление), *диалектологический* (атлас) и др. [15]. Со словом *социальный*, по-видимому, происходит нечто обратное: это иноязычное относительное прилагательное, для которого как раз нет соотносительного существительного, если только не допустить, что слово *общество* располагает двумя относительными прилагательными, различие между которыми не всегда легко уловить. Сравните хотя бы примеры из Словаря современного русского литературного языка: (*Порхунов*) *женился (...)* *на девушке, стоящей ниже его по общественному положению* (Л. Толстой); *Я (...)* *по социальному моему положению принадлежу к тем людям, которые путного ничего не делают* (Ф. Достоевский) и др.

В румынской паре синонимов, составные части которой расходятся, правда, в семантическом отношении больше, чем их русские эквиваленты, наоборот, *social* по частотности превышает *obștesc*. Последнее возникло на румынской почве от существительного *obște* '*народ, публика, община*' — старого южнославянского заимствования, сегодня почти целиком вытесненного проникшим в румынский язык из французского латинским по происхождению словом *societate* '*общество*' [16]. Тем не менее (в частности, в связи с естественной потребностью разнообразить и оттенять стилисти-

³ По данным работы Н. Н. Josselson [13], являющейся «самым большим и серьезным из существующих частотных словарей русского языка» [14], *общественный* относится к 3-му списку слов по убывающей частотности, а *социальный* — к 5-му.

ческие средства публицистической речи) сфера употребления слова *obșteasc* в настоящее время заметно расширилась (сравните: *proprietate obștească* — общественная собственность, *viața obștească* — общественная жизнь, *interese obștești* — общественные интересы и др.)⁴, хотя оно и отстаёт в отношении частотности от своего синонима.

Неудивительно поэтому, что румынские учащиеся склонны подменять русскую пару *общественный* — *социальный* румынской (возможно, этому способствует в данном случае и паронимическая ассоциация)⁵, перенося на первую отношения, сложившиеся между компонентами второй. В результате реальная частотность этих слов в их русской речи изменяется в сторону ее приближения — *mutatis mutandis* — к ранговым коэффициентам частотности их румынских эквивалентов. Здесь по существу подвергаются калькированию не слова с их конкретным морфологическим строением, а установившиеся между ними синонимические отношения⁶. И в данном случае кон-

тактирование единиц разных языков порождает черты как явной, так и скрытой интерференции.

Подобные явления, отмеченные печатью иноязычного влияния в отвлечении от чужой фонической «субстанции», призваны доказать всеобщий характер калькирования и при явной, и при скрытой интерференции, закономерность промежуточных ступеней между указанными двумя категориями, практическую невозможность их полного отграничения. Разумеется, это отнюдь не снимает целесообразности принципиального выделения разных типов интерференции между контактирующими в процессе обучения языками.

Расширение области калек за счет фактов, подобных описанным выше, делает теорию калькирования более стройной и единой. Так, можно будет говорить о калькировании реляционных свойств тех или иных единиц не только, скажем, на уровне синтаксиса (между компонентами определенной синтаксической структуры), но и на уровне словарного состава (между элементами определенной лексической микросистемы). В то же время такой подход к калкам открывает новые перспективы для изучения процесса взаимопроникновения языков, что опять-таки предугадал Ш. Балли: «Калка призвана дать новый толчок лексикологическим исследованиям: через пятьдесят лет нельзя будет представить себе этимологический словарь, который не отражал бы развития значений слов и не содержал бы систематического анализа слов, внедренных в язык посредством перевода» [4].

Литература

1. Le calque dans les langues slaves littéraires. «Revue des Études slaves». Вып. 1—2, т. XII, 1932, стр. 19.— 2. Rîzescu I. Contribuții la studiul calcului lingvistic. București, 1958, стр. 19 и др.— 3. Ефремов Л. П. Лексическое и фразеологическое калькирование. В сб.: «Труды Самаркандского государственного университета». Вып. 106, 1961, стр. 119.— 4. Балли Ш. Французская стилистика (перевод с французского). М., 1961, стр. 71.— 5. Wagner H. L. A propos de grammaires. «Le français dans le monde», 1966, N. 40, стр. 17.— 6. Burney P. La méthode indirecte. Comment?, «Le français dans le monde», 1962, N. 12, стр. 9.— 7. Gheorghiu M. Considerații asupra unor greșeli caracteristice ale studenților din anul I în lumina datelor statistice lingvistice. «Culegere de studii». București, 1962.— 8. Хрестоматия по истории языкознания XIX—XX веков. Сост. В. А. Звегинцев. М., 1956, стр. 38.— 9. Iordan I. Limba română actuală. O gramatică a «greșelilor». București, 1948.— 10. Жинкин Н. И. Психологические особенности

- спонтанной речи. «Иностранные языки в школе», 1965, № 4, стр. 3.— 11. Юдина Л. П. О роли родного языка при обучении русскому языку иностранцев. «Из опыта преподавания русского языка иностранцам». (Сборник статей.) 1964, стр. 10 и др.— 12. Розендвейг В. Языковые контакты и преподавание языков. «Русский язык в национальной школе», 1964, № 4, стр. 14 и др.— 13. Josselson H. H. The Russian Word Count. Detroit, 1953.— 14. Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка. М., 1964, стр. 310.— 15. Исаченко А. В. К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских литературных языков. «Slavia» ročnik, XVIII, 1958, N. 3, стр. 347.— 16. Mihaïță G. Imprumuturi vechi sud-slave în limba română. București, 1960, стр. 143—144.— 17. Juillard A., Edwards P. M. H., Juillard I. Frequency Dictionary of Roumanian Words. London — The Hague — Paris, 1965.— 18. Grau Al. Statistică și precizie. «Studii și cercetări lingvistice», 1966, N. 4, стр. 379—386.